

ЛОКАРМЕН

РАСКРЕЗЫ

Лазарь Кармен

Шарики

(Дети-глухари #1)

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен

Шарики

**(Из жизни детей Одесского
порта)**

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. ГАРШИНУ

Вы имеете понятие о «шариках» [1]? Кто эти «шарики»?!

Это маленькие крошечные существа, дети, добрые ребята с кроткими и наивными глазками и рожцами; дети безысходной нужды, горя, дети задворков и «уайт-чеплей», выполняющие грандиозную миссию.

Они работают в глубоких пароходных котлах, куда не проникает ни один луч солнца, где темно, душно, сыро, а подчас сухо до того, что приходится каждые пять минут вылезать и брать несколько глотков воды и воздуха, чтобы продолжать дальше... Что дальше? Вечную, притупляющую детский мозг и нервы обивку котла шкрабками, ломиками и молотками.

Вот работа шарика!

Он стучит с утра до вечера, обивая с котла накипь и тем предупреждая взрыв.

Несколько слов о котле и его накипи.

Если пароход сравнить с человеческим организмом, то трюм – его желудок, а котел –

сердце.

Как и сердце, котел подразделяется на три или четыре (смотря по величине его) топки, или предсердия и желудочки, и целую сеть дымогарных труб – вен и артерий.

Здесь весь рейс бьет кровь – адское пламя, и вокруг клокочут вода и пары, приводя пароход в движение.

Но котел, как и большая часть сердец, предрасположен к разрыву. Причины на то разные, и главная – ожирение.

Котел, находясь под парами два-три месяца, жиреет. Топки и грубы его от кипячения воды обкладываются снаружи рыхлой накипью – и деятельность парализована. Получается слабый проводник тепла, следует накаление и растяжение металла и в итоге – взрыв.

Но если шарики постарались, то «сердце» будет «биться» правильно не один рейс и пассажиры не взлетят на воздух.

Вот они, наши хранители – шарики!
Пройдем к ним!

Пароход Добровольного флота.

Трехмачтовый гигант три дня тому назад вернулся из дальнего плавания.

Идет обычный, ежегодный ремонт. Все подновляется.

Палубная и машинная прислуга суетится, конопатит, чистит, перетирает, красит, и получается впечатление гигантской мастерской с оглушительным шумом и стуком.

Пройдем в машинную. Под нами – пропасть. Темная, она сквозит меж железных, гладко отполированных решеток, лесенок, целой системы связей, труб, цилиндров, подшипников и насосов. Сквозят бледные и колеблющиеся огоньки, то появляющиеся, то исчезающие.

Снизу доносится стук, отрывистая брань, свист, хохот, говор и слова удалой матросской песенки.

Спустимся вниз, только осторожнее.

Ниже, ниже! Свет ясного солнечного дня погас, и мы спускаемся во мраке, то и дело натываясь на всевозможные отверстия, трубы и рискуя каждую минуту свернуть себе шею.

Где же наконец котел?! О, это «сердце» спрятано глубоко, глубоко!

– Вам к шарикам? Сюда, направо, – раздаётся сбоку чей-то предупредительный голос, и перед вами вырастает черный как дьявол кочегар с теплящейся в руке свечкой.

Несколько головоломных спусков, и мы – у цели. Перед нами – большой цилиндрический котел с целой надстройкой над ним стальных и железных ребер. Из круглого небольшого отверстия в котле – горловины вылетает оглушительный стук, словно внутри кузня. Шарики – здесь.

– Эй, старшина, горбун! – кричит кочегар, припадая лицом к горловине.

Стук моментально утих, сердце перестало стучать, биться. В темной горловине блеснула свеча, и вынырнуло наружу черное, выпачканное, но симпатичное личико. Взгляд карих, бархатистых глаз, тревожных я быстрых, как молния, окинул нас с ног до головы, как бы спрашивая:

«Чего вам от нас надо?»

Пока глаза вопрошали, детская ручка повернула горящую свечу вбок, и свеча вырисовала позади него выше плеч острый угол.

– Горбун, покажи им, как вы работаете.

Кочегар поручил нас ему и исчез.

Горбун!

Легкая тень облачком набежала на это милое и наивное личико, и все мускулы его дрогнули. Словно кто-то взмахнул хлыстом и ударил его больно-больно.

– Пожалуйте, – пригласил горбун, – только осторожнее, а то сорветесь!

Здесь я покину вас, читатель. На мне – непромокаемый плащ, которым снабдил меня добрый механик... А вам вот свеча, уткнитесь в горловину, и вам будет все видно и слышно.

Я сперва пролезаю в горловину ногами, а затем – торсом.

Ноги мои скрючились, зацепились за какие-то трубы, и я весь застрял в узком и тесном пролете.

Что за черт! Дождь, грязь, слякоть.

Крупные капли грязи падают мне на лицо, руки, залепают глаза, рот, уши.

Где я? Оглядываюсь. Вокруг – полусвет, несколько мерцающих и дрожащих свечей, сотни мелких черных труб, и из-за труб с разных сторон на меня глядят насмешливые и

недоумевающие глазки – синие, карие, серые и детские выпачканные рожицы.

Вот они – шарики!

Маленькие, хрупкие, нежные, кажущиеся вдвое меньше от разных принятых ими поз, еле прикрытые, каждый с зажженной и прыгающей свечой на длинной проволоке, они отложили молотки в сторону, оставили работу и глядят на меня, как на свалившееся сверху чудище.

Такими глазами смотрит на меня и подсевший ко мне горбун.

С чего начать?

– Отчего, – задаю я вопрос, – здесь так сыро? Откуда эти капли, эта вода, грязь?

– А это, видите, – поясняет с улыбкой старшина, – котел отпотеваается. Так всегда, когда пароход приходит и пар выпустят. Три дня после котел потеет. Вот и сыро. Ну, вы! Чего стали?! Скоро экзамен, а вы много сработали?! Жи-и-ва! – прикрикнул старшина на шариков.

Шарики мигом разлетелись, как бильярдные шары, как брызги ртути.

Они мелькнули голыми пятками и икрами

здесь, там, скатились в какие-то щели-лузы, и стук молотков, оглушительный и способный развинтить нервы у любого быка, возобновился.

– Это что за экзамен? – любопытствовал я.

– А к нам, как только почистим котел, слезает механик. Он и экзаменует, смотрит: все ли чисто и в порядке. Если где заметит накипь, он велит счистить.

– Где же здесь накипь?

– А вот, сквозь! На дымогарных трубах, на заогненном ящике [2], на топках!

Он повел горячей свечой, и я разглядел внизу три круглые из волнистого железа топки, три батареи труб, начинающихся по десяти в ряд у топок и идущих к самому верху, и продолговатый заогненный ящик, окутанный довольно толстым, рыхлым и рыжим наслоением накипи.

– Накипь эта действительно опасна?

– Очень опасна. Прошлым месяцем – читали в газетах? – в Николаеве взрыв был. Взорвало на пароходе котел. А почему? Потому что за котлом никакого присмотра не было.

Накипь росла в нем, росла, и ее не чистили. Топки накалились, не выдержали – и трах! Хорошо, что пассажиров не было. Только и досталось кочегару и смазчику. А виноват в этом кто?...

– Кто?!

– Да пароходные общества! Ходят у них пароходы срочным рейсом месяц, два, три, пять. Сегодня пришли, завтра ушли. Тут и чистить некогда. А в каком котле накипи во сколько, в два дюйма, а в каком – и в вершок. Одна накипь. А пассажиры разве знают? Сели и поехали. А если бы они заглянули в котел да знали, что там делается, ни за что не поехали бы. Я сам не поехал бы, жизнь дороже... Вон в Англии, мне рассказывал один механик, так там по котлам, по машинной, сквозь комиссия лазит, смотрит, нюхает. Чуть котел не чист, не в исправности иллюминатор, машина – стоп! Не смей ходить, оставайся! Вот как в

Англии!

Старшина выпалил эту тираду одним духом.

Он меня поразил и заставил глубоко при-

задуматься.

Действительно, какой мы подвергаемся опасности! Садимся мы на пароход, а в котле у него подготавливается драма.

Милый шарик! Он открыл мне одну из ужаснейших язв наших частных пароходных обществ. У этих обществ, с таким богатым аппетитом, отсутствует правильный надзор за судами. Правда, на случай катастрофы все у них застраховано, и это заставляет их быть оптимистами – но пассажиры!

– Почему вас называют шариками? – продолжал я спрашивать.

– Не знаю. Наверно, потому, что мы маленькие и только мы одни можем лазить по котлам. Большие лазить не могут. Нас и выбирают поэтому худых, маленьких, ну, шариков. В котле ведь узко. Вон под топку я и сам не пролезу. Лезет самый худенький.

Старшина чего-то усмехнулся.

– Вы чего? – спросил я.

– Так, ничего! – И он опять усмехнулся. – А мне пароходный доктор вот что сказывал: вы, говорит, настоящие шарики. Есть у каждого человека шарики – красные такие. Когда бо-

лезнь какая заберется к человеку, шарики ее и выпирают. Вы тоже, говорит, такие шарики. Выпираете из котла болезнь, накипь!

Почти дитя, мальчик, в этом темном и грязном котле, поведавший мне теорию Мечникова, изумил меня. А не прав доктор?

Его определение самое меткое и верное. Они и есть те же спасительные для парохода шарики, что и кровяные для организма.

– Вы старшина? Какая ваша обязанность?

– Обязанность? Да смотреть, чтобы все работало. Шарики любят и побаловаться. Заберутся куда-нибудь в угол все вместе, постукивают молотками, будто работают, и рассказывают. Я и слежу. Кто не слушает меня, провинится, того я наказываю.

– Как же вы наказываете?

– А так, возьму да наложу зиноватому после работы побольше инструментов – пусть тащит до дома.

Кру-у-тится, вертится шар голубой,

Кру-у-тится, вертится над головой.

Кру-у-тится, вертится, хочет

упасть...

Кавалер барышню хочет украсть!

раздался из-за третьей топки чей-то пискливый и задорный голосок.

– Цыц! – прикрикнул старшина, и писк оборвался.

– Дай огня! – раздался сбоку тот же голосок, и вынырнувший снизу шарик потянулся потухшей свечой к горящей свече старшины.

– Это тебе уже двадцатый раз! – заметил ему старшина.

– Ну и двадцатый! Что ж, когда тушится! А тебе жалко? – возразил тот с прежним задором. – Небось не убудет!

– Много вас, шариков? – любопытствовал я.

– Сто наберется!

– А у кого служите?

– У подрядчика! Он ходит по пароходным конторам и берет на очистку подряды.

– По сколько же вы получаете?

– Кто по тридцать пять – сорок копеек в день, а старшина – шестьдесят.

– А тяжела работа?

Стук утих, и счетом восемь шариков выкатились наверх со свечами и окружили меня, как белки.

– Тяжела работа? – повторил я.

Шарики переглянулись. Все молчали.

Дух подрядчика, видно, витал здесь, и никто не решался высказаться.

– Сахалин! – вдруг отрезал кто-то.

Я обернулся. Отрезавший был лет двенадцати, хилый и слабый ребенок.

Маленькая стеариновая свеча так и прыгала в его слабой и худенькой ручке, и, весь покрытый грязным потом и испариной котла, он походил на дохлую и забившуюся в котел птичку.

– Ноги болят, грудь, руки, все, все чисто, – пролепетал он и понурил свою птичью курчавую головку.

Бедный ребенок! Глухо раздались его слова в безответном и мрачном котле, и я заметил, как к горлу у него подступают спазмы.

– И сильно болит грудь? – спросил я.

– Сильно! А все – от накипи. Накипь, видите, бывает разная, пресная и соленая. Пресная-то – ничего, терпеть можно, а соленая!...

Здесь, в этом котле, накипь пресная, потому что на всех пароходах Добровольного флота есть опреснитель. Идет, примерно, пароход в океан, ну, в Черный...

– Какой Черный! – живо перебил маленького рассказчика другой шарик, со вздернутым носиком. – Такого океана нет, море Черное есть, а океан есть Индейский.

– Ну, Индейский, – смущенно согласился тот и продолжал дальше: – Вода, примерно, в котле вышла. Вот и накачивают морской в опреснитель. Опреснитель прежде очистит ее, сделает пресной, а потом уж ее в котел впустят, накипь и получится пресная. А на частных пароходах опреснителей нет. Только морской водой котлы питать и приходится. А в морской воде – соль. Она и оседает в котле вместе с накипью. Вот и сидишь весь день, молотком постукиваешь, и пыль соленая тебе – в глаза, нос, рот. И ест она здорово. Прямо слепнешь. Еще – соль есть разная. Есть соль Индейского океана, Средиземного моря... Соль Индейского чуть-чуть горьковатая, а Средиземного моря – так не дай господи, какая соленая. Раз лизнешь ее и весь день пить

хочется, так и печет на сердце. Бочку воды выпить можешь, ей-богу.

– Это еще ничего! – ввернул третий шарик. – Бывает и похуже! Срочный, например, пароход нынче пришел, а завтра уходит. Времени выходит стоять ему мало. А котел когда-нибудь да чистить надо. Тут-то и штука. Кочегар гасит топки, выкачивает пар, и нас загоняют в котел. А котел еще не отпотелся. И где ему отпотеться, когда три дня потеть надо. Трубы и топки в нем еще горячие, не остыли. Ну, и сидим мы, как в ванне, прямо дух захватывает. Печет руки, лицо, ноги. Весь обжигаешься. Свечи тухнут, тают, потому что горячо и воздуху мало. Голова болит, грудь болит, потом тебя прошибает, и так работаешь. Откальываешь соленую накипь, и соль тебе в рот, нос. Вот так работа! Каждые пять минут не вытерпишь, бросишь молоток и летишь наверх напиться и отдохнуть. А то тебе каюк, крышка (смерть). И работаешь так, когда спешная работа, до двух часов ночи.

– Как же механик посылает вас в такой котел?

– Ему что?! Я, говорит, знать ничего не

знаю. Котел должен быть чист, вот и все. Пусть чистят.

– А сколько вы работаете, когда срочная работа?

– С семи часов утра до пяти вечера и с семи часов вечера до двух ночи.

Ну, это, положим, ничего, но отчего котла не охлаждают и не дадут ему отпотеться?

Какой ужас! Котел горяч, не остыл, и в него загоняют детей, как микробов. Пусть жарятся и задыхаются в безвоздушном пространстве.

– А бывают какие-нибудь несчастные случаи с вами?

– Бывают! Прошлым годом один шарик поскользнулся в котле и сильно разбил себе голову. Был и такой случай, да это механик пошутил. Пьян был, что ли. Чистили мы третий котел, а в первом кипело, потому что лебедка была в ходу. Котлы все, знаете, связаны трубками. Вот механик возьми и открой клапан...

– И что?!

– Пар и забрался к нам. Вдруг чувствуем: горячо. Смотрим, идет на нас из-за угла пардушный, горячий такой. Я и кричу: «Пар, дети, спасайтесь!» Все, нас было десять душ, по-

бросали инструменты и драло из горловины. Насилу спаслись, а то нас, как клопов, попарило бы.

– Вот так шутки! А механик что?

– Смеялся!

– А как зовут этого шутника-механика? Где он работает? – И я вооружился карандашом для того, чтобы отметить имя этого «доблестного» механика в записной книжке.

Шарик назвал.

Я отметил фамилию, но решил не выставлять ее. Бог с ним, с этим шутником, ведь он пьян был!

– Значит, вы вечно в опасности? – спросил я шарика. – Всякий пьяный может открыть клапан и вас изжарить?!

– Может и трезвый, если забыть, что мы в другом котле. Весь день ведь в ходу лебедка. В одном котле – пар, а в другом – мы. Ну, и держи ухо востро. Один клапан только повернуть – и мы сгорим, повернуть другой – брызнет в котел вода и мы потонем.

Наступила пауза.

Шарик, посвятивший меня в самые сокровенные тайны этого железного, злого и ужас-

ного «сердца», тяжело вздохнул и, схватив молоток, стал нервно выстукивать ближайшую трубку.

Я прислушался. Из-за стука донеслись ко мне снизу голоса двух шариков.

– А мы теперь выбрались далеко, далеко, шесть верст отсюда, аж за Чумкой [3], коло кладбища! Мама в больнице. Завтра праздник, я с Сонькой пойдем к ней.

– А мой тятя в участке. У него документа нет. Хочешь покурить, Витька?!

– Хочу!

– На с гильзой окурок! Это «Ласточка». У меня этих окурков много. Я нынче встал рано и понасобирал их на бульваре. Дворники тогда еще не подметали. Хочешь, пойдем завтра, целый карман наберем.

Голоса смолкли, и вместо них по углам слышалось таинственное перешептывание. Шарик, как я разглядел по мерцающим огонькам, сбился в одну кучку.

О чем они перешептывались? Освященные личики их горели лукавством. Дети, видимо, замыслили что-то.

Вдруг в котле воцарился мрак. Свечи по-

тухли, и послышалось сдержанное хихиканье.

– Черти! – выругался старшина. – Вам бы только баловаться. Вот уж подождите. Будет вам, скажу хозяину. Ну, зажигай!

– Иуда, – буркнул кто-то.

Чиркнули тотчас же по углам спички, сделалось снова светло, и я разглядел смеющиеся веселые личики.

– Ванька! – крикнул один шарик другому, сидящему верхом на заогненном ящичке. – Пойди время узнать!

– Время, время узнать! – подхватили детские голоса.

Ванька не заставил себя долго просить и юркнул хорьком в горловину.

– Кочегара спроси, у него часы с заводом! – запищал ему кто-то вдогонку.

– Половина двенадцатого! Пушка еще не ударила и шар не упал [4], – заявил, моментально вернувшись, Ванька.

– А жрать хочется! – заметил один.

– Будет время, а пока работай! Ну, вы! Мишка, брось курить! – стал распоряжаться старшина.

Все опять схватились за молотки, и «сердце» забилося. Стук сделался до того сильным, что казалось, «сердце» не выдержит и разорвется на части.

«Чи-и-жик-пы-жик, где ты был?» – выстукивало это гигантское «сердце».

Я в изумлении посмотрел на старшину.

– Это они опять балуются, – заметил он.

«На Фонта-а-нке во-одку пил!» – продолжали в такт выстукивать по дымогарным трубкам и топкам шарики.

«Выпил рю-умку, выпил две!» – выводил кто-то двумя молотками на заогненном ящике.

«За-а-кружилось в голо-о-ве!» – продолжали остальные.

– Дурачатся, – заметил мне опять старшина, – потому что обед скоро. Собрались вместе и наигрывают. А там вот, посмотрите, в «козла» жарят.

Я посмотрел в угол.

Два шарика уселись верхом на топку. Перед ними – свеча, и у каждого в руках – карты.

– Пас!

– Пас!

– Семка, плати копейку!

«Бах!» – грянула на бульваре пушка, и все встрепенулись.

– Снедать, снедать!

И мимо меня один за другим стали про-
скальзывать шарики.

– Снедайте, только живее! – крикнул стар-
шина. – Надо котел кончать скорее! Мишка,
на десять копеек, ступай на набережную и ку-
пи мне на одну копейку печенки, только с ри-
сом, на две – селедки, а на остальные – огурец,
хлеба и фунт яблок!

– И мне, мне тоже! – пристали два шарика
к бойкому мальчишке в синей куртке и со-
скошенной набок на курчавых волосенках
английской шапчонкой.

Мишка зажал в кулак деньги и испарился.

В ожидании его старшина и два шарика
подсели ко мне поближе, и один задымил
окурком. – Сколько времени вам полагается
на снеденье? – спросил я.

– Час!

– Отчего же вы не выходите?

– Да так, не хочется, привыкли!

– Показать фокус? – вызвался шарик помо-

ложе.

– Покажи!

Он поднес ко рту свою детскую ладонь и харкнул.

– Смотрите!

Я посмотрел. На ладони у него оказался большой черный комок, перемешанный со слюной.

– Еще раз! – заявил он. – Кха!

Шарик харкнул второй раз, и получился комок побольше.

– Кха, кха! – Он харкнул несколько раз подряд, и первоначальный комок вырос в довольно большой и черный шарик.

– Вот вам и шарик! – рассмеялся во весь рот мальчик и протянул мне сфабрикованный им, скатанный упругий шарик.

– Фокус! – согласился я.

– А я могу много таких шариков сделать. Весь день буду делать. У меня здесь этого материала много, цельная фабрика! – И он ткнул пальцем в свою плоскую грудь.

– Какой же это материал?

– А этот самый! – И мальчик указал на трубы и топки. – Накипь! Накипь ведь в рот ле-

тит. Котел-то мы чистим, а нас почистить некому. Послать разве туда в грудь шариков да с молотками?! – И шарик усмехнулся. – Накипь у нас оседает на кишки и на сердце. Сердце когда-нибудь да разорвется, лопнет!...

– Разве ничем нельзя изнутри накипь выгнать?

Шарик махнул рукой.

– Ничем! Может быть, водкой. Пьют ее угольщики, полежалыщики, смольные, я сам пил. И пьют они здорово. Что ни зарабатывают – пропьют. Водку мешают с перцем и махоркой. А из нутра все-таки пыли выгнать не могут. Все плюют да плюют черным. Один так пил, все думал пыль выгнать, пока зайчик не засел ему в голову. С ума человек сошел. Его в сумасшедший дом и отправили... А мы еще в цистерне и в сальном трюме работаем. В сальном трюме работа тоже тяжелая. Это на самом низу, у пайела (пароходное дно), – маленький трюм такой, как коробка. Сюда вся пакость стекает, весь жир, все масло, которыми машину мажут. И грязная же эта работа! Сидишь, выбираешь руками жир, а жир, сало и вонючее масло тебе – в лицо, рот. Фу! Как

черт вымазаешься. Прямо сало с тебя так и льется, и дышать нечем, потому что трюм тесный и нет в нем ни одного иллюминатора и ни одной дырки, куда бы прошел воздух. Работаем мы и на речных пароходах. Здесь котлы маленькие и все снаружи. Зимой работать на них – беда. Холодно. Залезешь и мерзнешь, как волчий хвост. Это в «Родном слове», – пояснил, улыбнувшись, шарик. – Так холодно, что плюнешь, примерно, на топку, приставишь палец, скажешь – раз, два, три! – и пальца не оторвешь, приморожен он. Только и спасаешься, что убежишь на минуту в машинную и согреешься!

– А чем вообще занимаются родные шариков?

– Кто чем может. У кого мать – прачка, а у кого – тряпичница, тряпки и стекло по сметникам собирает. Отец – поносчик, тащит господам с базара по три копейки поноску, а то просто – босяк. А у кого из шариков родных нет. Вот один шарик, так его подбросили. Два года ему было, как его подбросили на набережную. Кормили его стражники в пакгаузах, и спал он по вагонам, в клепках, в стружках и

в черепице, пока не вырос.

– И у меня нет родных! – вмешался старшина.

– Где же они?

– Умерли! Отец с ума сошел от горячки. Есть у меня только один братец, поменьше. Тоже шарик. Мы были маленькими, когда умерли отец и мать.

– Вы оба живете вместе?

– Нет, я живу на квартире, а брат спит по приютам.

– Почему так?

– Потому что прошлым летом он потерял документ. Его за то на квартиру не пускают.

– И чего вы взялись за такую тяжелую работу?

– Что делать! Я ведь горбун, калека! – вымолвил он, и из глаз его выкатились две слезинки.

Бедный и глубоко несчастный мальчик!

– Вы грамотны? – спросил я, когда волнение его улеглось.

– Я-то? Немного! Пишу, читаю. Да вот остальные без всякой грамоты. Даже складов не знают. Да и где им знать-то. Кто их учить

станет. Они не то что писать и читать не умеют, но и ремесла не знают. Что же, накипь чистить – это ремесло разве?! Так и растешь темным, необразованным, отдаешь все силы котлу, портишь грудь, легкие. А вырастешь, стукнет семнадцать – восемнадцать лет, лезть уже в котел нельзя, потому что уже большой. Что же тогда делать?! Грамоте никто тебя не учил, ремеслу – тоже. И идут, делать нечего, кто мешки таскать, кто в биндюжники, кто в угольщики, а кто в пропащие кадыки (карантинные воришки). Вот как! А нас должны учить, и учить должны пароходные общества, потому что мы на них работаем. Пусть они учат нас. Есть ведь у них мастерские. Мы будем в мастерских работать, а когда понадобится для чистки котлов, пусть берут нас. Отчистимся, опять пойдем назад в мастерскую. А в свободное время пусть нас учат грамоте. Это им ничего не стоит!

– Сколько вам лет? – спросил я, пораженный воодушевлением этого маленького существа с блестящими глазами и нервной жестикуляцией, пораженный его логикой и жаждой света и знания, и не для себя одного, а для

всех своих крошек-подчиненных. Он скорбел сам и скорбел за них, за их мрачное будущее и злую участь.

– Семнадцать! – ответил старшина.

– А сколько работаете?

– Лет девять будет.

Боже! Девять лет сидеть в этом ужасном котле, сидеть во мраке, глотать и переваривать накипь, соль, терпеть жар и сырость, задыхаться и все ждать света, который осветил бы котел – это железное, черствое «сердце».

Девять лет мыслить больным детским умом, страдать и чувствовать свою беспомощность, сознавать себя всеми забытым и покинутым!

Как это тяжело, больно! Какой ужас!

Примечания

Я окрестил этих детей – «шариков», как их называют в порту, – «глухарями», так как по своей тяжелой работе они не уступают «глухарям» Гаршина. *(Прим. автора.)*

[^^^]

2

Ящик, в который отводится из труб дым.
(Прим. автора.)

[^^^]

Чумная гора. *(Прим. автора.)*

[^^^]

4

Падающий на одной портовой башне шар означает полдень. *(Прим. автора.)*

[^^^]